

Лев Дуров: «Дай мне миллион долларов, я бы долго думал, что с ним делать»
Фотограф: Максим Коняев/Газета

«никогда ни у кого ни разу в жизни не попросил»

Лев Дуров — Газете

Лев Дуров, который, по его словам, несколько раз отказывался от руководства Театром на Малой Бронной, не так давно согласился нести этот крест. И вот первый результат: состоялась премьера спектакля по пьесе С. Найденкова «Дети Ванюшина» в постановке Льва Константиновича. С Львом Дуровым специально для Газеты встретился Сергей Смирнов.

Лев Константинович, с какой ноги встанешь, так день и проживешь. Считается, что «широкую известность актер Дуров обрел в 1973 году, сыграв роль провокатора». Не боялись загубить себе будущее?

Да нет, это же профессия: чем разнообразнее роли, тем интереснее. Сегодня ты играешь Гамлета, а завтра Яго, и это замечательно. Кстати, лучше всех в этой картине («Семнадцать мгновений весны») играет Тихонов, у него самая сложная роль, потому что, кроме как сопоставлять и раздумывать, ему там делать нечего. У всех есть какие-то характеры, за которые можно спрятаться. А ему прятаться не за что.

Но я играл с удовольствием, мне была интересна сама природа такого человека. Ведь это самое низкое и мерзкое: преда-

тель, провокатор, доносчик. Когда человек открыто идет на тебя с ножом, это одно. А когда ты не ждешь, когда тебя предадут — а я это чувство совсем недавно испытал в собственном театре, — это очень тяжелое ощущение.

И мне хотелось понять, что заставляет человека превратиться в эту тварь. И понял: ущербность. Там есть такая фраза: «Я хотел писать. Таланту не хватило. И стал мстить человечеству за свою собственную несостоятельность». Вы наверняка замечали и вокруг себя: посредственность — мстит. И делать это легко. Ведь даже одна едкая реплика выбивает из колеи надолго, если она незаслуженна и сказана человеком, которому доверял. И все равно не понимаю: ну как это, человек сидит, пишет донос, а за спиной у него сопит ребенок...

Кажется, актерская профессия особых дивидендов не приносит?

А как вы думаете, если у нас в театре средняя зарплата — четыре тысячи рублей. Это много? А ведь это же актер, он должен иметь «товарный вид», тем более актриса. Есть банки, которые помогают театрам. А вот наш театр ни один банк не поддерживает. Мне неловко идти просить. Я не могу переступить порог и сказать: «Ребята, дайте». А многие идут и просят. И им дают. Правильно ли они делают? Да, наверное, правильно. А я не могу. Никогда ни у кого ни разу в жизни не попросил. Каждый из нас, артистов, как-то выкручивается. А кто-то и нет.

И что, люди уходят?

Нет! Из этой профессии не уходят. Только выгоняют. Казалось бы, все прекрасно знают, что профессия выгод не сулит, но почему же такой колоссальный конкурс в театральные вузы?

Загадочная русская душа.

Нет. Загадочная профессия.

Политикой не интересуетесь? Многие звезды подались на выборы.

Я никогда ни в какой партии не состоял. И вот как-то меня уговорили стать депутатом районного совета, еще при советской власти. И я очень честно сидел в какой-то комнатухе, ко мне шли с разными бедами: кому-то нужен унитаз, кому — квартира, у кого-то электричества нет... Однажды расселяли старый дом, и ко мне пришла женщина: у нее двое разнополых детей, а ей давали только однокомнатную. И я ей посоветовал:

«А вы возьмите своих разнополых, откройте окно и кричите: «Помогите!» Никто же не решится выбрасывать вас на улицу». И вот дня через три меня вызывают в райисполком: «Дуров, что же вы делаете?» — «А что такое?» — «Пришла милиция выселять жильцов. А одна гражданка открыла окно и кричит: «Люди, вы артиста Дурова знаете?» Все: «Знаем!» — «Так вот, он сказал, что вы все мне поможете!» И все кричат: «Куда?! Не трогай ее!» Отбили. И в итоге ей дали... трехкомнатную квартиру. Я понял, что большего подвига уже не совершу, и сдал мандат. На этом моя политическая «карьеря» закончилась. Хотя приятно, помог человеку. А сам жил в маленькой однокомнатной квартире.

С тех пор вы в политику ни ногой?

Нет уж! Хлебнул. Хватило.

А как вам преемники, политики нынешние?

Если быть творческим человеком, если пытаться что-то сделать, то власть реальна. А если ты рвешься туда, чтобы сидеть в кресле и думать только про свою задницу, то ничего и не будет. И тебя не будут уважать, и ты не власть. Придет время, и люди не подпишут за тебя бюллетени... С другой стороны, иногда не понимаешь: что их там так манит? Когда я хлопотал за кого-то, попадал в их кабинеты — думал: «А ради чего? Сидеть и выслушивать, как тебя клянут люди?»

А как вы сами думаете? Что, медом там намазано?

Я думаю, человеку свойственна сама жажда власти. Как и жажда публичности. Почему и рвуся бездарно в театральное. Им кажется: о, я стану играть, буду на сцене, какая праздная профессия. Но это все не так. Это тяжкий труд. И моральный и физический. По английской шкале самых тяжелых профессий мы стоим на пятом месте. Вместе с шахтерами, летчиками-испытателями и акушерами-гинекологами. Рождение детей, как и актерство, — это огромные затраты нервной энергии.

Кажется, в этом списке еще и журналисты — отстреливают нашего брата. Признайтесь, а вам не хотелось?

Честно? Да. У вас, как и везде, есть журналисты блестящие, а есть и такие, в частности театральные критики, кто работает для того только, чтобы или показать, какие они эрудированные, или кого-то безнаказанно оскорбить, растоптать.

Правда, что своим высшим титулом вы считаете характеристику «трагический клоун»?

Да, меня так назвал один британский журналист после гастролей в Англии.

Но как можно сделать смешной трагедию?

Да запросто. Есть гениальный пример. Чарли Чаплин. Маленький нескладный человечек в огромных ботинках и смешном котелке. И в то же время трагическая фигурка в этом жутком, огромном мире. И этому миру он умудрялся давать поджопники. Кстати, замечали, он дает пендели всем большим людям? Но ни одного маленького он не ударил.

Говорят, что вы увеличили популярность марки «Иж» в два раза. Съёмки в рекламе не считаете заторным? Все-таки массовое зомбирование.

Я думаю, это нормально. Деньги-то небольшие, ерунда. А вы, наверное, думаете, что миллионы? Нет, это чушь. Главное — не лгать. А я в рекламе «Ижа» не сказал ни одного слова лжи. Я же не сказал, что эта машина лучше Mercedes. Сам взял отвертку, залез под дно, смотрю: да, оцинкован. Только тогда и сказал... Очень опасно рекламировать лекарство. Можно обмануть людей, а люди тебе верят.

Ваши коллеги так и делают.

Да. И зря. Я однажды лекарство рекламировал (больше никогда в жизни!). Сказал

тогда: ребята, дайте мне самому пройти этот курс, и если поможет — скажу. Помогло. Сказал.

Что сейчас интересует людей, можно судить по заголовкам: «Как разбился Борис Моисеев», «Наташу Королеву обокрали», «На Льва Дурова напали ведьмы»... Это что, мы, журналисты, измельчали или все-таки читатель того требует? Кстати, что это за ведьмы такие?

Я думаю, пятьдесят на пятьдесят. Спрос рождает предложение. А насчет ведьм... Мы приехали на съемки в Мексику и услышали, что где-то рядом закончился съезд «темных ведьм». Оказывается, есть темные и светлые. Мы шутили, смеялись. А режиссер заметил: «Зря смеетесь. Над этим шутить нельзя». Так вот, вскоре после этого с одним из актеров произошла беда. А потом и я чудом избежал травмы. Лошадь подо мной испугалась, сделала стойку, ударила о пальму и... завалилась на меня. Вот лежим мы, и я все пытаюсь ее сбросить. Боялся, переломает ноги. Мне потом показали это место, между пальмой и бетонной стеной: для меня там места не было. Но я там лежал. Загадка... И таких загадок я повидал немало. В Оренбурге на женский крик: «Икона, икона обновляется!» — сбегался народ. И действительно, на глазах у всех как будто тень с нее сошла. И она вдруг становилась ясной-ясной. И я пацаном видел это своими глазами. Тогда, в годы войны, думаю, на фокусы ни у кого времени не было.

Но вернемся в наше время. Не слишком ли резко разделились мы на «белых» и «черных», престижных и прочих?

Ну, это мы видим по всей стране и по всему миру.

Да, но в России это сглажено, а вот в Москве панельные домишки соседствуют с дорогами машинами и женщинами, казино...

...Куда нормальному человеку не попасть никогда. Да, конечно, у нас дикий разрыв, совершенно дикий. Но лично мне на эти увеселительные заведения всегда было наплевать. Даже на танцплощадку я ходил затем только, чтобы кинуть в центр круга глиняную крышку — ради хлопка аля взрыв, чтобы хоть на секунду эти танцы прекратились. У меня ощущения ущербности нет. Хотя, сами понимаете, я актер, небогатый человек. Но никакой зависти к этим людям у меня нет. Дай мне миллион долларов — я бы долго думал, что с ним делать.

По-моему, россияне, особенно москвичи, говорят на разных языках: одни изъясняются все еще на советском наречии, живут на пенсию, а другие перемещаются в Porsche...

А я все же нахожу общий язык с людьми. Спускаюсь во двор, где сидят бабушки, мы всегда мило беседуем, у нас замечательные отношения. А молодежь есть молодежь, что с ней поделаешь, такое было всегда. Главное, чтобы мы сами не разделились, не говорили: «Эй, вы!» По-моему, хуже другое: когда человеку стало плохо, он упал на улице, буквально напротив престижной больницы рядом с моим домом, и из больницы не соизволил выйти ни один врач. Вот это ужасно. Вот это разделение. Где здесь клятва Гиппократова?

Ну, если бы — не дай бог! — упали вы... Вычитал о вас фразу: «Этого человека клычат все. Даже инспекторы ГИБДД».

Понимаете, я всегда относился к милиции с уважением. Объясню почему. Когда вас начинают грабить, что вы в первую очередь орете? «Милиция!» А если вы их называете «ментами», ну тогда что ж вы к ним обращаетесь? Эти люди делают очень трудную работу — разгребают человеческую помойку. Да, бывает там всякое, как и в любой профессии, и высшие чины сейчас замараны. И тем не менее. Не будь ГАИ в таком огромном городе — какое было бы столпотворение... Конечно, меня узнавали, чем, может, и баловали. В те времена, когда еще возили машины на парковку, я всегда оставлял записочку: «Уважаемая ГАИ, ушел на час, оставить в другом месте не могу, опаздываю. Не увозите машину. С глубоким уважением, Дуров». Прихожу — ни одной машины, моя стоит. И записка: «Мы тебя тоже уважаем, Дуров. Твоя ГАИ». Вот такой роман по переписке.

И все же я хотел задать вопрос из фильма «Большой»: «Как ты это делаешь?» Там ребенок стал взрослым внешне, по сути оставшись ребенком. Может, в этом секрет?

У итальянцев есть очень хорошая поговорка: «Стариков надо убивать в детстве». Человек должен оставаться до старости ребенком. Не о глупости и наивности речь. О взгляде на жизнь: уметь радоваться, что светит солнце, что трава зеленая, что кричат дети, — это здорово, когда они кричат, значит, они здоровы. Как-то меня спросили, какое самое счастливое для меня время. Ответил: пробуждение. Просыпаюсь и говорю себе: ну вот, Господь мне подарил еще один день жизни. Это замечательно! Значит, надо улыбаться окружающим, надо успеть за этот день что-то сделать, надо прийти домой изможденным, усталым, рухнуть и... чувствовать себя прекрасно. Рецепт один: не быть равнодушным. И радоваться тому, что мы живы. Вот только жизнь, увы, так коротка. Я как-то перефразировал классика: «Жизнь дается нам один раз, и потому прожить ее надо мучительно больно» (смеется).